12+

Дмитрий Резниченко

Солнце Морутамо. Новый рассвет

Марк Рок в кольце Вселенной.
Книга первая

Дмитрий Резниченко

Солнце Морутамо. Новый рассвет. Марк Рок в кольце Вселенной. Книга первая

«Издательские решения»

Резниченко Д.

Солнце Морутамо. Новый рассвет. Марк Рок в кольце Вселенной. Книга первая / Д. Резниченко — «Издательские решения»,

Десятилетний Марк Рок — обычный мальчик, который любит читать и не любит футбол. Однажды в его окно приходит говорящая серая кошка Чара и уводит в Страну Хрустальных Рос — мир, где злой колдун Урсамат украл Солнце.Согласно пророчеству, только Марк может вернуть свет. Впереди — Лабиринт с тремя смертельными испытаниями, битва с чёрным драконом и встреча с собственной виной за гибель старшей сестры. Книга о том, как мальчик простил себя — и стал Навигатором, открывающим путь между мирами.

© Резниченко Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Сырный день или как спасти страну Хрустальных Рос 6
Глава 2. Тайна хранительницы Лунного озера 14
Глава 3. Новые знакомства. Люменс и моараки 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Солнце Морутамо. Новый рассвет Марк Рок в кольце Вселенной. Книга первая

Дмитрий Резниченко

© Дмитрий Резниченко, 2026

ISBN 978-5-0071-6624-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-6625-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть свет внутри у каждого из нас,
Но чтоб его увидеть, нужно в бездну
Порой войти. Кто этот путь прошёл хоть раз
Тот скажет твёрдо: «Я за гранью не исчезну!»

Глава 1. Сырный день или как спасти страну Хрустальных Рос

Обычный день. Обычный старый двор.
И кошка серая сидит на краю крыши.
Но вдруг судьба с тобой вступает в разговор.
Тихонько, шепотом. На миг замри! Ты слышишь?

Серая кошка на крыше старого дома. Чара сидела на самом краю пятиэтажки и смотрела, как солнце медленно переползает через антенны, чердачные окна и ржавый флюгер в виде петуха, который давно потерял направление ветра и просто сонно качался взад-вперёд. Был тот самый час, когда тени становятся всё короче, а воздух — раскалённым от зноя, тяжёлым, будто налитым мёдом. Июль. Вечер. Где-то внизу, во дворе, цветут липы, их запах — густой, сладкий, почти осязаемый — поднимался к самым крышам, смешиваясь с запахом нагретой жестяной кровли и городской пылью.

Чара любила этот час. Любила этот двор с его деревьями и скамейками, любила этих людей, которые сверху казались такими маленькими и суетливыми, любила глупых голубей, вечно воркующих на карнизе. Она была здесь своей, хоть и слыла кошкой со странностями. Во дворе к ней привыкли. Знали, что серая кошка с красивым золотистым медальоном на шее может подолгу сидеть на одном месте, глядя куда-то вдаль, будто видит то, чего другие не видят. Поговаривали даже, что она не просто кошка, а волшебница. Но кто же в наше время верит в волшебство?

У Чары сегодня был особенный день. Среда. Сырный день. Ей полагалось где-то выследить кусочек вкусного сыра себе на обед. А обед уже неумолимо приближался.

В доме напротив распахнулось окно, и оттуда полилась музыка. Старый ламповый радиоприёмник, какие теперь только на дачах и встречаются, спрятавшись на подоконнике в тени гераней и папоротников, сквозь лёгкие помехи пел про то, как хорошо жить на свете, когда тебе семнадцать. Чара слушала и думала: кошкам проще. Семнадцать лет — какие условности. Достаточно кусочка сыра и тёплого места на солнышке.

Она легко, по-кошачьи грациозно, перепрыгнула на пожарную лестницу и начала спускаться. Её коготки цокали по металлическим ступеням — ритмично, почти музыкально. Четвёртый этаж. Третий. И тут — запах.

Чара замерла.

Так пахнет только настоящий сыр. Не тот резиновый, что лежит повсюду в супермаркетах на полках, завёрнутый в плёнку, будто улика гнусного преступления перед гастрономией. А тот, что дышит, живёт, хранит в себе память о той самой корове, которая дала молоко, чтобы его изготовить, о солнце, о лете, зелёной травке. Тонкий, чуть маслянистый аромат с ноткой ореха. Просто песня!

Чара продолжила спускаться. Окно на третьем этаже было распахнуто настежь. Лёгкая занавеска колыхалась от сквозняка, то вздуваясь пузырём, то опадая. Она осторожно заглянула внутрь.

Круглый обеденный стол стоял у самого окна. На столе — блюдце. На блюдце — сыр. Тонкие, почти прозрачные ломтики с аккуратными маленькими дырочками, разложенные так красиво, будто это был не просто чей-то ланч, а произведение искусства. Рядом с блюдцем — чашка. Из чашки шёл пар, лёгкий, чуть заметный. Чай был ещё горячим. А напротив чашки сидел мальчик.

Он читал.

Чара знала этот взгляд. Так смотрят только те, кто ушёл в книгу с головой, кто растворился в ней настолько, что реальность перестала для них существовать. Глаза его бегали по строчкам, губы чуть шевелились, пальцы машинально теребили уголок страницы. Мальчик был худенький, светловолосый, с такими же непослушными вихрами, как у многих в его возрасте. Лет десяти, может, чуть больше.

Чара вздохнула. Придётся его отвлечь.

— Что читаете, молодой человек? — спросила она.

Мальчик вздрогнул, резко обернулся и уставился на неё круглыми от удивления глазами.

— Извините за непрошеный визит, — продолжила Чара самым вежливым тоном, на который была способна. — Это, конечно, непростительно с моей стороны, но меня так увлёк потрясающий запах вашего сыра. Нет-нет, я не хочу его даже пробовать, но, простите, запах… Извините ещё раз, если я вас напугала. Кстати, меня зовут Чара.

Мальчик несколько мгновений смотрел на неё, не мигая. Потом улыбнулся — улыбка у него оказалась приятная, открытая, сразу видно — не злой человек.

— Если вас так заинтересовал запах, можете сравнить его со вкусом, — сказал он и придвинул блюдце поближе к окну. — Меня зовут Марк. Марк Светлов. А в школе и во дворе ещё Роком зовут, в шутку, за мою неуклюжесть — когда что-то валится из рук, я всегда кричу «Что за рок!» — в кино увидеи и прилипло.

— Марк Светлов. Рок. Звучит гордо! — Чара вальяжно склонила голову. — А ничего, если я буду тебя по-родственному звать, Марик?

— Нет. Этого слащавого имени не выношу. И маме всегда говорю. Она знает. — мальчика даже передёрнуло при упоминании ласкательного варианта его имени.

— Извините. Больше не буду. Ой-ой, какой сыр! Ням-ням-ням, — она деликатно, но с явным удовольствием принялась за угощение.

Марк смотрел на неё и, кажется, уже не так остро переживал тот факт, что перед ним сидит говорящая кошка.

— Так что вы читаете? — спросила Чара, прикончив сыр. — Если ты не против, давай перейдём на «ты». Мы уже знакомы целых три минуты. За это время можно съесть в два раза больше сыра, чем было у тебя на тарелке.

— Конечно, Чара. Если ты хочешь, я схожу и принесу ещё.

— Это совсем не обязательно, но если ты настаиваешь…

Мальчик сходил на кухню и вернулся с новой порцией сыра. Чара с удовольствием принялась за вторую тарелку.

Пару минут они молчали: кошка уплетала сыр, а Марк о чём-то думал, поглядывая на неё с любопытством. Наконец он прервал тишину:

— А тебе правда со мной не скучно?

— А почему мне должно быть с тобой скучно?

— Ну, знаешь… Многие мальчишки считают меня странным. Мы недавно переехали сюда, отца перевели по работе, и у меня всё как-то не складываются отношения во дворе. Я не гоняю в футбол, как они, люблю читать и вообще… Говоря по правде, у меня действительно есть странности. Например, я могу угадать точно, как упадет монетка, если её подбросить, или в каком кармане лежит конфета. Многим это не нравится, а некоторых даже пугает…

— Ах вот оно что, — Чара отодвинула пустую тарелку. — А ещё, помнишь, как твоя мама потеряла золотое колечко, а ты сказал, что оно закатилось под пианино? А когда папа не мог найти свою любимую трубку, ты сказал, что её отнесли в химчистку вместе с грязными вещами.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивился мальчик.

— Я ведь не только сыр умею есть, — Чара приосанилась. — Между прочим, извини, что не представилась сразу по всей форме: Главная Волшебница при дворе его Темного Величества

Урсамата, будь он неладен, повелителя Тьмы и Властителя Покорённой Страны Хрустальных Рос, Чарина Всевластная. Была… Пока не узнала его Страшную Тайну. И мне пришлось скрываться, а иначе, — она провела лапой возле шеи и выразительно выпучила глаза, — крышка.

Марк смотрел на неё во все глаза.

— Кто много знает, тот долго не живёт, — продолжала Чара шёпотом. — А я в его колдовской книге увидел такое… — она вдруг широко открыла пасть и выпучила глаза, как будто увидела самый большой в мире кусок сыра. — Знаю! Марк, я знаю! Всё совпадает! Это ты! Только ты можешь нам помочь, только ты можешь спасти нашу несчастную страну!

— Какую страну?

— Страну Хрустальных Рос, самую обычную волшебную страну! О-о-о, друг мой… — Чара заглянула ему в глаза — серые. С лёгкой стальной искоркой, которые смотрели на неё с лёгким недоверием и любопытством, — Это была самая красивая страна в волшебном мире. Она раскинулась посреди острова, который омывает Хрустальное море. Вода в этом море такая прозрачная, что самую мелкую рыбёшку можно увидеть в нём за многие мили. Ночью над островом ярко сверкают звёзды, а утром, когда над горизонтом восходит солнце, их свет не гаснет просто так, а наполняет собой росу, что лежит на цветах, траве и деревьях. Днём солнце становится жарче, и роса превращается в маленькие кристаллики. В основном это горный хрусталь, но попадаются и драгоценные камни. Жители страны их собирают и бросают в море, отчего его дно светится и днём, и ночью. В древности страну называли Айя. От полноты, наверное. Просто и красиво. Теперь же её стали звать иначе — Страна Украденного Солнца. А в тайных свитках Урсамата — Морутамо.

— Айя… Красиво… — выдохнул Марк.

— А то! И правил этой чудесной страной с самого начала её существования великий и мудрый Белосвет. Урсамат хитростью одержал над ним победу и, присвоив трон, упрятал в самую глубокую темницу. Но подробности позже. Идём же, идём скорей за мной!

— Куда?

— Марк, неужели что-то ещё нужно объяснять?!

— Но… — мальчик растерянно оглянулся на дверь в соседнюю комнату, где скорее всего была родительская спальня.

— Родители ни о чём не узнают, — Чара поняла его без слов. — Я им не буду рассказывать. Но только помни: там может быть очень опасно…

Марк посмотрел на неё. Серая кошка с глазами чайного цвета пристально смотрела в ответ. В её взгляде не было ни уговора, ни давления. Только вопрос.

— Я согласен, — выдохнул он. — А как мы туда попадём?

— Как обычно — через графин. Можно через стакан, но графин лучше. У вас есть в квартире графин для воды?

— Гра… Да.

— Давай его сюда!

Марк сбегал на кухню и принёс старый, чуть желтоватый от налёта графин. Мама из него обычно поливала цветы.

Чара оглядела его со всех сторон, заглянула внутрь и удовлетворённо кивнула:

— Хороший графин, не хухры-мухры! Настоящее волшебное качество! Такие только на специальном графиновом заводе делают. Я там, между прочим, практику проходила. Сейчас много подделок появилось, волшебная монополия утрачена. Но этот — настоящий! Что надо! С таким графином мы вмиг долетим… Ну, чего смотришь? Подходи, не стесняйся! Дай лапу, смотри сюда и повторяй за мной:

Мы с тобою, я и ты,
Полетим до Трататы.

Там мы купим каравай,
Пересядем на трамвай.
На трамвае — до вокзала,
А оттуда — на метле.
Приземлимся в Бухаре…

Марк, подчинившись воле загадочных обстоятельств, старательно бубнил вслед за кошкой непонятные фразы, однако никакого волшебства вокруг не происходило. Чара искоса глянула на него и усмехнулась:

— Ладно, перестань. Это я, чтоб ты прочувствовал момент. Шучу.

Мальчик понял, что его разыграли, и слегка надул губы.

А в следующую секунду Чара запустила коготок в свой медальон, что висел у неё на шее, и что-то там, наверное, нажала. Из медальона посыпались золотые искры, закружились вокруг них, соединяясь в светящийся шар. Шар рос, гудел, переливался — и вдруг в нём образовался проём величиной поболее, чем рост Марка.

— Ступай вперёд! — скомандовала Чара. — Ждать не будет!

Мальчик сделал шаг — и его подхватило, понесло, закружило. Вокруг мелькали цветные вспышки, лица, предметы, целые куски жизни, сжатые в одно мгновение. Вот пролетела его старая кроватка, из которой он давно вырос. Вот воздушный змей, который они с папой запускали в небо прошлым летом. Вот плюшевый мишка Миха, которого он когда-то любил больше всех игрушек. Промелькнули чьи-то лица — знакомые и совсем чужие, будто кусочки чужих судеб. Потом скорость увеличилась, всё смешалось в сплошной светящийся туннель…

И вдруг — тишина.

Марк стоял в огромном зале. Высоченный потолок терялся где-то во тьме, стены покрывали странные рисунки, а воздух был густым от пыли и древности. Рядом кто-то заёрзал и чихнул.

— Ох уж эта пыль! — раздался знакомый голос. — Вечно здесь как в мельнице!

Марк обернулся.

Рядом с ним стояла девочка. Примерно его лет. Смуглая, с глазами того самого чайного цвета, какие были у Чары. Пепельные волосы смешно торчали в стороны двумя косичками. Одета она была в элегантный серый костюмчик, расшитый золотыми узорами. На шее — тот самый медальон.

— Ну чего смотришь? — усмехнулась девочка, поймав его взгляд. — Там, у вас, я кошка. А здесь — вот такая. Люблю разнообразие. Пошли! Приключения начинаются.

И она решительно зашагала в темноту.

Мальчик оглянулся назад. Там, откуда они пришли, медленно угасали золотые искры. Пути назад не было.

Он глубоко вздохнул и шагнул вслед за ней.

Марк и Чара оказались в огромном зале. Пыль лежала повсюду — толстым, мягким слоем, в котором тонули их шаги. Стены, освещённые дрожащим пламенем факелов, от пола до самой темноты вверху были покрыты причудливыми фресками: странные существа, похожие не то на зверей, не то на людей, застыли в танце или битве — Марк не мог разобрать.

В дальнем конце зала, в глубокой нише, горели светильники в форме драконов, висящие на тяжёлых железных цепях. Их свет метался, выхватывая из мрака золотую фигуру, возвышающуюся над ними раза в три выше человеческого роста.

Марк замер.

У фигуры было прекрасное женское лицо и тело птицы. Огромные золотые крылья были сложены за спиной. Фигура вызывала внутри какое-то благоговейное чувство. В свете драконьих светильников статуя казалась живой — и от этого немного жутковатой. На голове её —

тиара, а в тиаре — цветок с семью лепестками, каждый своего цвета. Марк хотел рассмотреть подробнее, но Чара потянула его дальше: «Не задерживайся, тут не любят тех, кто подолгу глазеет».

— Это Ведана, — негромко пояснила Чара на ходу. — Великая пророчица. Была. Сейчас в бессрочном отпуске, уже пару тысяч лет. Но здесь её помнят. И боятся. И уважают. В общем, всё как положено.

— Красивая, — выдохнул Марк.

— Симпатичная, — поправила Чара. — Но зануда страшная. Вечно ходит и бубнит: «Я знала, я видела, мне привиделось…». Не мой тип. Но пару раз её предсказания спасали страну. Так что приходилось терпеть.

Марк улучил возможность и шагнул ближе к статуе чтобы разглядеть золотые крылья человекоподобной птицы, красивые, искусно выполненные узоры на её теле. Пыли здесь было особенно много, и почти до самой головы статую обвивала паутина, толстая, как бельевая верёвка.

Он протянул руку, коснулся паутины — и в тот же миг раздался оглушительный вопль:

— Полундра-а-а!!! Свистать всех наверх!

Из темноты, перебирая мохнатыми лапами, вылетел ОГРОМНЫЙ ПАУК! Размером с хорошего телёнка, не меньше. На голове у него смешно торчал ночной колпак, на нём были вышиты золотые кораблики с розовыми парусами. Из-под колпака лезли редкие седые волосы, к низу его мохнатой головы переходящие в длинную седую бородку. В одной лапе он держал фонарь, в другой — дубинку с шипами.

— Всем стоять! Ни с места! — заорал он, размахивая дубинкой. — Территория охраняется личным указом Урсамата-а-а… А-а-апчхи!

Паук чихнул так, что фонарь в его лапе закачался.

— Будь здоров, Христофор! — сказала Чара совершенно спокойно.

Паук замер, поднёс фонарь к её лицу, прищурил сразу несколько глаз, и вдруг его свирепое выражение сменилось радостным узнаванием.

— А, это ты, плутовка!

— Я не плутовка, я честная девочка!

— Да кому ты… Ладно-ладно, знаем — выведала тайну Урсамата.

— Так тебе известно?

— А ты как думала? Ты уже объявлена вне закона. Тебя ищут.

— И что же?

— Ничего, разберёмся. Пойдем, я угощу тебя фирменным чаем.

— Лучше арестуй.

— Грубишь…

— Уже иду!

— Кстати, а что это за странный тип рядом с тобой? — Христофор показал на мальчика, который по сравнению с ним был действительно «типом» странным, потому что у него не было ни смешной бородки, ни длинных мохнатых ушей, ни восьми чёрных живых глазёнок, ни золотых корабликов с розовыми парусами, которые были вышиты на его ночном колпачке.

— Это наш Спаситель! — торжественно произнесла Чара.

Христофор вытаращил все восемь глаз разом:

— Спаситель?! ЭТОТ? — он обошёл Марка кругом, придирчиво разглядывая. — Ты что, смеёшься?! Где ж его могущественная сила? Где волшебное оружие? Где доспехи, верный конь в конце концов! Он что, Урсамата одним своим дурацким видом победить собрался?

— Христофор, ты не прав, — Чара упёрла руки в боки. — Ты вообще пророчество знаешь?

— Какое ещё пророчество? — паук насторожился.

— То самое, из-за которого мне пришлось бежать! Тайн у Урсамата!

Старичок аж подпрыгнул на всех восьми лапах:

— Ты знаешь Тайну?! — он протянул к Чаре две волосатые лапы, как бы желая получить эту тайну немедленно.

— Ну, да. Правда, не совсем… Я прочитала в Книге Времён какие-то непонятные строки, запомнила их, но расшифровать так и не смогла.

— Что это за строки?

— Если мне не изменяет память, то в книге Урсамата было написано так:

«Читпосту басудь в коокош,
Какош титсявстре с школмальчи,
И детвзой ан бене нцесол,
Лиес гурк нетдоста цадон.»

— Жутиресно, просто квырк! — пробормотал Христофор, пощипывая свою бородку.

— Да, непонятно, но здорово, — добавила Чара.

— Да… И как же из сего винегрета ты поняла, что этот тип, — он снова показал на Марка, — наш «Спаситель»? На нём, что, написано какое-нибудь «Читпосту басудь в коокош…» — он обошёл мальчика вокруг, — Нет, нигде не написано. Хоть бы какой-нибудь «лиес гурк» тебе. Ни-че-го. Решительно ничего!

— Да нет, — возразила девочка, — с этим, на самом деле, совсем другая история. Я ведь, всё-таки, была по совместительству секретаршей Урсамата и часто могла подслушивать его разговоры, для пользы дела, конечно. И вот однажды я услышала, как он шушукался с Хрымзой, этой его ведьмой-советчицей. Так вот она сказала, что меня нужно срочно «изолировать», потому что она гадала на кофейной гуще и видела, как я познакомилась с мальчиком по имени Марк, которому суждено, согласно пророчеству Веданы, разрушить царство Урсамата и вернуть Солнце, которое он украл у всех жителей нашей страны. И тогда Страна Хрустальных Рос снова засияет. Поэтому, сказала Хрымза, нельзя ни в коем случае допустить, чтобы я пронюхала про Великое Пророчество. Они договорились, куда спрятать Книгу Времён, а меня решили бросить в подземелье, куда в своё время отправили Белосвета. И в тот же вечер я выведала Великое Пророчество и через Врата, которые ты здесь охраняешь, отправилась в далекий и чуждый мне мир. Прикинулась там кошкой, скиталась, жила, как могла, — при этих словах она страдальчески вздохнула, затем продолжила — По их времени я прожила там несколько лет, пока, в конце концов, не встретила Марка. И вот мы здесь.

— Как? Так ты меня обманула! Ты без моего ведома воспользовалась Вратами. Ты же сказала, что интересуешься настенной живописью.

— Должна же я была что-то сказать!

— Логично… Хорошо. Но кто сказал, что это именно тот мальчик, который нам нужен?

— У меня интуиция.

— Это ничего не значит. Шпулькина грамота. Факты, факты нужны!

— Но ведь права же я была, когда говорила, что тебе никогда не выиграть в карты у дворцовой охраны.

Христофор обиженно засопел:

— Это был мухлёж, а не интуиция. И вообще, не отвлекайся! Давайте лучше подумаем, как разгадать пророчество.

— Это как раз по твоей части.

— Ну, конечно. Всегда в годину лишений и испытаний вспоминают мудрого Христофора! Естественно, для настоящего дела нужны настоящие волшебники, а не…

— Не пересаливай.

— У меня, кажется, есть одна идея! Видите статую? — он показал рукой на золотую фигуру Веданы, — Как вы, наверное, знаете, она внутри полая, то есть пустая. Я залезу внутрь, а кто-нибудь прочитает Пророчество снаружи. Пророчество ведь написала Ведана, а это её фигура. И МОЯ ИНТУИЦИЯ подсказывает мне, что изнутри все может услышаться по-другому.

— Хмм… — нахмурилась Чара, с сомнением посмотрела на статую, но спорить не стала.

Христофор, кряхтя и перебирая лапами, скрылся за золотыми крыльями. Долго там возился, стучал чем-то, скрипел. Наконец голова статуи засветилась изнутри. В её глазницах и в отверстии приоткрытого рта забрезжил факельный свет.

Зрелище было по-настоящему волшебным. Казалось, древняя пророчица ожила и вот-вот заговорит.

— А-а-а-а-пчхи! — раздалось изнутри, и золотая голова выдохнула целый столб пыли. — Как быстро пылится мудрость. А-а-пчхи! Ой! Хорошо, я готов!

Чара закрыла глаза и нараспев прочитала:

«Читпосту басудь в коокош,
Какош титсявстре с шкоймальчи,
И детвзой ан бене нцесол,
Лиес гурк нетдоста цадон.»

Марк слушал эту тарабарщину и ничего не понимал. Из статуи доносилось гулкое сосредоточенное сопение и бормотание.

Наконец Христофор вылез наружу, отряхивая пыль с колпака. Вид у него был самый торжественный.

— Ну? — не выдержала Чара. — Получилось?

— Постучит тра-ля-на-на-на… Так-так-так… Понятно! Все элементарно. А я-то думал… — Слышался возбужденный монолог старика, пока он спускался обратно вниз и выбирался наружу.

Наконец, он выполз на свет к завороженной публике, замершей в ожидании чуда. И чудо свершилось:

— Конечно, потребовался мой громадный опыт и незаурядный ум, чтобы разгадать пророчество Веданы, Великую Тайну Урсамата. Я просчитывал множество вариантов, анализировал опыт истории и… великолепный эксперимент увенчался успехом! Вот!

— Мог бы и попроще, — саркастически заметила Чара.

— Я сел внутри нашей птички, — продолжил вдохновлённый оратор, — так, что моё левое ухо было направлено к её правому уху, а правое — к левому. И тогда произошло… не чудо. Нет! По сорок второму закону Чудознания слова из Пророчества внутри были восприняты мной наоборот, то есть правильно. Вот что получилось:

Постучит судьба в окошко,
Кошка встретится с мальчишкой,
И взойдёт на небе Солнце,
Если круг достанет донца.

— Уррр-а-а-а! Христофор, ты — чудо! — и девчонка, звонко чмокнув старичка в волосатую щёку, закружилась по залу. — Теперь-то мы уж точно одолеем злого Властителя Тьмы! Уррр-а-а-а!

Затем старичка почему-то покинула радость:

— Глупая, чего ты радуешься, не пойму… Ну и что, что можно понять из этого дешевого каламбура? Какой, скажи мне, круг, какого достанет донца?

— Ну, может быть… Э-э-э-э… Не знаю.

— То-то! Что нам делать теперь с этой та-а-айной? Ну, допустим, что ты, Чара, гуляя, непонятно где, встретила неизвестно какого мальчишку, ну, допустим, что он именно тот, о котором говорится в пророчестве, но о каком донце, о каком круге идет речь? А, Спаситель?! — паук обратился к Марку.

— Не знаю, — смущенно отозвался мальчик. — Может, у кого-то спросить?

— Гениально! Ха-ха-ха! — паук залился громким хохотом. — Конечно, спросить! Например, у бездельницы Чары или вот у моего ночного колпака. Спросить! Ха!

Девочка, казалось, пропустила мимо ушей колкость Христофора и задумчиво вымолвила:

— Спросить… А ведь это не такая уж и плохая идея. Мы можем пойти и спросить совета у хранительницы Лунного озера.

— Что-о-о?! Советоваться с этой шарлатанкой? Ни за что! — завопил старик, — Никогда не стану обращаться за помощью к гадалкам.

— А как же Ведана?

— У неё есть лицензия!

— А кто на кофейной гуще каждое утро гадает, прежде чем отнести прогноз погоды в замок?

— Это клевета! — возмутился паук. — Делайте что хотите, а я умываю лапы!

Воцарилась тишина. Она длилась несколько секунд, а может быть, минут. Каждый из присутствовавших напряженно о чём-то размышлял, как бы пытаясь что-то сказать, переминался и глубоко вдыхал потяжелевший воздух.

— Хорошо, — наконец вымолвила Чара, — мы пойдем одни.

Старик молча тяжело развернулся, и направился в сторону статуи, постепенно растворяясь в темноте.

Марк, казалось, хотел что-то сказать вслед, чтобы остановить Христофора, но слова так и остались внутри него, не найдя достаточной силы, чтобы родиться.

Чара глубоко вздохнула и как-то отрешенно вымолвила:

— Ничего, пойдем. Прежде всего, дело, а потом уже эмоции. — Этими словами она для Марка впервые в себе обнаружила не просто смешливую девчонку, а серьезную и ответственную волшебницу.

Они направились в другой конец зала. Там в волшебном танце старинных фресок скрывался выход из зала. Он был соединен с длинным и темным коридором, который вывел их наружу под серебряный свет Луны и ярких звезд. Снаружи было тихо, прохладно и очень сыро.

Глава 2. Тайна хранительницы Лунного озера

Мёртвый лес. Луна и чёрная вода.
В глубине обитель Лучезары.
Свет серебряный лишь зеркала коснётся —
Озеро проснётся, и ты проснёшься навсегда.
Дар прими, мы встретились недаром.

Марк и Чара, пройдя от выхода по извилистой тропинке, ведущей куда-то вниз, шагов сто, оказались на краю глубокого оврага. Другой его край терялся в темноте. Снизу веяло пронизывающим холодом, от чего хотелось накинуть на себя что-нибудь тёпленькое из одежды. Только теперь Марк обратил внимание на то, что он одет не по обстановке: шорты, футболка и легкие сандалии на босу ногу — в чём он и был дома. Чтобы как-то согреться, он стал тереть руки друг о дружку, а затем обхватил себя за плечи: не весть что, но всё же теплее.

Чара шла впереди, уверенно, будто знала этот путь наизусть. Её шаги почти не были слышны — она двигалась с той особенной кошачьей грацией, которая никуда не исчезла, даже когда она стала девчонкой.

— Долго ещё? — спросил Марк, чтобы хоть что-то сказать.

— Скоро, — отозвалась Чара, не оборачиваясь. — Главное — не останавливаться. Здесь, в темноте, всякое может почудиться.

— А что может почудиться?

— Да что угодно. Тени, голоса… Иногда кажется, что кто-то смотрит на тебя из-за какого-нибудь дерева. Но это только кажется, наверное…

— А кто она, эта хранительница Лунного озера, — продолжил разговор мальчик, чтобы отвлечься от мыслей о холоде.

— Её зовут Лучезара, — охотно ответила Чара, — она появилась в этих местах задолго до того, как Белосвет создал нашу страну. И Лунное озеро появилось вместе с нашим островом. Оно не соединяется с морем, а питается водой из глубоких, глубже самого моря, подземных источников. Лучезара добрая волшебница, они всегда дружили с Белосветом. Но такой у неё характер, любит одиночество, живет себе тут одна.

— А о чём ты хочешь её спросить?

— Честно, не знаю. Но я знаю, что Белосвет доверял ей свои тайны. Сегодня, по моим расчётам, тот самый день в году, когда полная Луна будет несколько минут над самой серединой озера. В такие дни Лучезара выходит прогуляться по берегу озера, если у неё хорошее настроение. Так что, может быть, нам повезёт.

Они спускались ещё довольно долго, становилось всё холоднее. Пожухлая трава и корни деревьев, застывшими щупальцами торчащие из земли, уступили место голым каменным глыбам. Вскоре их путь стал освещать серебряный свет, игриво скользящий по гладким каменным стенам оврага. Пройдя еще сотню шагов, путники увидели перед собой большое озеро круглой формы. Небо над озером было усеяно мириадами звёзд, таких ярких и крупных, что они казались живыми. Они висели так низко, что, протяни руку — и, кажется, можно дотронуться до них. Луна стояла почти в зените, и её свет заливал всё вокруг густым серебром, от которого было даже как-то по-лунному тепло.

А вокруг озера был лес. Мёртвый лес. Высохшие стволы тянулись к небу, будто скрюченные пальцы. Ни листочка, ни травинки — только голая земля, корни, торчащие наружу, и тишина. Такая плотная, что уши закладывало.

— Здесь… всё мёртвое? — тихо спросил Марк.

— Почти, — Чара тоже говорила вполголоса, будто боялась разбудить этот лес. — Когда Урсамат украл Солнце, всё живое начало умирать. Сначала цветы, потом трава, потом деревья. Некоторые жители страны ушли в другие края, некоторые спрятались. А лес… лес остался. Ждёт.

— Чего ждёт?

— Света.

Они двинулись дальше вниз к озеру. Тропа вилась между стволами как змея. Марк старался не смотреть по сторонам, но взгляд то и дело цеплялся за странные тени между деревьями.

Они шли молча. Марк потерял счёт времени. Здесь время текло иначе — тягуче, как смола.

И вдруг он остановился.

— Чара…

Она обернулась:

— Что?

— Там, — Марк кивнул в сторону, туда, где между двумя высохшими стволами чернел провал. — Мне показалось… или кто-то там стоял?

Чара всмотрелась в темноту. Несколько секунд стояла неподвижно, потом покачала головой:

— Никого. Тебе показалось.

— Нет, — Марк мотнул головой. — Я точно видел. Фигура. Стояла и смотрела.

— Лес, — Чара пожала плечами. — Он такой. Иногда кажется, что здесь кто-то есть. Но это просто тени.

— Это не тень, — упрямо сказал Марк. — Тень не смотрит.

Чара внимательно посмотрела на него. В лунном свете её глаза казались почти чёрными.

— Пойдём, — сказала она наконец. — Нам туда.

Она не стала ничего объяснять, и Марк не стал больше ничего спрашивать. Но тревожное чувство не проходило, мурашки бегали по спине. Кто-то смотрел на него из темноты. Не враждебно — но пристально, изучающе, будто ждал.

Тропа привела их к крутому берегу озера. Оно было настолько круглым, что казалось каким-то искусственным — будто кто-то огромной ложкой для мороженого вырезал его в земной породе. Вода в озере была чёрной и неподвижной, но в центре, прямо под Луной, она светилась — слабо, едва заметно, как расплавленное серебро.

— Отлично! Мы как раз вовремя! — заметила Чара, — Когда Луна будет точно над серединой озера, оно проснётся. Зря, всё-таки, Христофор не доверяет ей. Она очень умна и, к тому же, лучшая подруга Веданы. Они когда-то вместе учились. Ну, чем чёрт не шутит…

Видно было, что Чара сама слегка сомневается в успехе их похода. Дальше она продолжила намеренно легкомысленно:

— Я была здесь несколько раз, когда служила при дворе Урсамата. Он отправлял меня к ней за оружием, которое она хранит. Тогда она превратила одного из моараков, этих тупых прихвостней Урсамата, что сопровождали меня, в лягушку — не понравилось ей, как он себя вёл. До сих пор, говорят, квакает где-то в камышах.

Марк хотел спросить, что за оружие хранила Лучезара, которое было так нужно Урсамату, но Чара уже пошла вниз, к воде.

— И долго ждать? — спросил он, усаживаясь на камень.

— Сколько надо.

Они ждали. Луна медленно ползла по небу. Марк уже начал думать, что ничего не произойдёт, когда вода вдруг вздрогнула.

Это было похоже на рябь, но рябь расходилась от центра к берегу, будто кто-то огромный шевельнулся на дне. Потом вода в центре вспучилась, и из глубины сперва приподнялся над водой, а затем начал расти и распускаться цветок.

Он рос медленно, величественно, раскрывая лепесток за лепестком. Серебряный свет струился по его поверхности, отражался от воды, играл на лицах замерших путников. Когда цветок раскрылся полностью, в центре его стояла женщина.

Марк затаил дыхание.

Женщина была прекрасна той особенной красотой, которая не принадлежит миру людей. Длинные серебряные волосы струились по плечам, стекали в воду, расходясь по поверхности причудливыми узорами. Платье её переливалось — в нём угадывались очертания подводного мира: рыб, водорослей, раковин, и всё это двигалось, жило, дышало. Глаза её были небесно-голубыми, и когда она посмотрела на Марка, ему показалось, что она видит не только его, но и всё, что было, и всё, что будет в его жизни. Будто это проникающий взгляд целой тысячи мудрых глаз.

— Здравствуй, Марк, — сказала Лучезара, — здравствуй, Чара.

Голос её звучал тихо, но каждое слово отдавалось эхом где-то внутри, в самой глубине души.

— Здравствуй, Лучезара, — Чара поклонилась в ответ — не низко, но с уважением, Марк тоже поневоле склонил голову.

— Прости, что беспокоим. Но нам нужна помощь, — продолжила Чара.

— Я знаю, — хранительница улыбнулась. — Белосвет говорил мне об этом, Чара. Он сказал: «Настанет день, и Тьма вернётся. И тогда та, что всегда служила только Свету, придёт ко мне. Выслушай её и помоги». — Она перевела взгляд на Марка. — А о тебе он сказал другое. Он сказал: «Придёт мальчик из другого мира, отмеченный Тьмой, но выбранный Светом. Он будет сомневаться в себе и во всём, но найдёт в себе силы и одолеет Тьму внутри себя и снаружи. Он спасёт страну. Отдай ему то, что я для него оставил».

Марк вздрогнул.

— Отмеченный Тьмой? — спросил он. — Я не…

— Всему своё время. Душа твоя таит в себе осколок тьмы, — нараспев сказала Лучезара, — Время придёт и ты освободишь дорогу свету…

Она хлопнула в ладоши. Между её рук засветился шар — сначала маленький, с лесной орех, потом всё больше, больше, пока не вырос до размеров футбольного мяча. Шар пульсировал, переливался золотом и серебром, и от него исходило тепло.

— Держи, — Лучезара протянула шар Марку, — Это оружие Белосвета.

Марк несмело протянул руки. Шар упал в его ладони — и вдруг вспыхнул ослепительным светом. Мальчик зажмурился, но свет проникал сквозь веки, заливая всё внутри. А когда он открыл глаза, в левой руке у него был щит, а в правой — меч.

Щит — круглый, гладкий, с изысканным узором по краям. В центре его горел золотом маленький солнечный диск. Меч — короткий, удобный, будто созданный именно для его руки. И оба они были тёплыми. Будто живыми.

— Это… — Марк не мог подобрать слов.

— Это твоё, и других слов здесь нет, — сказала Лучезара.

— А ещё… — начала было Чара.

— Я не могу истолковать вам пророчество, вы ведь за этим пришли. Разгадка глубоко внутри вас и только вы владеете тем, что может его расшифровать — своей душой и своей судьбой. Скажу лишь, что тот, кто выбирает свет, уже выбран светом. В свое время вы сами узнаете всё, что нужно. Так что, Марк, забирай то, что теперь принадлежит тебе, а то я уже устала — Урсамат постоянно подсылает ко мне своих верных псов, моараков. Это ужасные существа — ночные демоны. И выглядят отвратительно — туловище коня со змеиным хво-

стом, а на нем половина человека, но страшно уродливая, да еще эти рога. Фу! Они мне здесь всю воду перебаламутили. Устала я от них отбиваться. Мне пора. И вы идите и помните: Белосвет закалил это оружие в Эликсире Жизни и Эликсире Смерти. Ими можно победить любого врага, кроме одного.

— Кроме какого? — выдохнул Марк.

— Того, что живёт внутри тебя.

Она хотела сказать ещё что-то, но в этот момент тишину разорвал тяжёлый топот. Он шёл со всех сторон. Словно большое дикое стадо било землю целой тысячей копыт, приближаясь, окружая.

Чара вскочила, вглядываясь в темноту леса.

— Моараки, — выдохнула она. — Много.

Из-за деревьев выступили тени. Марк впервые видел так близко подобных тварей — огромные, грузные, с конскими туловищами и человеческими торсами, а сзади змеиный хвост. Их глаза горели красным огнём, из ноздрей и клыкастых пастей шёл пар.

— Урсамат учуял, — сказала Лучезара. — Священное оружие Белосвета проснулось, и он не в безопасности.

— Что нам делать? — Чара замерла в нерешительности.

— Уходить. Сейчас же — Лучезара взмахнула рукой. Вода в озере вскипела, взметнулась вверх серебряным валом, обрушилась на ближайших моараков. Те заверещали, заметались, но из леса выходили новые. — Бегите! — крикнула Лучезара. — Я задержу их!

Чара схватила Марка за руку и потащила вверх по склону. Он бежал, спотыкаясь, оглядываясь назад. Внизу всё кипело — вода вздымалась, свет резал глаза, моараки орали и гибли. Но их было слишком много.

Они выскочили на край оврага и остановились. Марк тяжело дышал, сердце колотилось и подступало к горлу.

— А как же Лучезара? — выдохнул он. — Мы оставим её там!

— За неё не переживай, она и не таких побеждала, — Чара стиснула его руку. — Мы должны идти. Она — хранительница и она своё дело сделала. Я и не ожидала, что она отдаст тебе оружие. Теперь дело за нами. Мы нужны там, — она кивнула в сторону той части темного горизонта, где над мёртвым лесом возвышалась вдали чёрная громада. Это был замок.

— Но если они…

— Марк, — Чара повернула его к себе, заставила смотреть в глаза. — Лучезара ждала этого дня. Мы все этого ждали. Она себя защитит. Если мы вернёмся, то мы можем погибнуть напрасно и тогда всё зря… Понимаешь?

Марк молчал. Потом медленно кивнул.

— Пошли.

Они пошли дальше — в темноту, в сторону мрачного замка. Мальчик нёс щит и меч, и они всё ещё были тёплыми.

И всё это время он чувствовал на себе чей-то взгляд. Тот самый, из леса. Он не исчез. Он шёл за ними.

Чара тоже это чувствовала. Она молчала, но шла быстрее, мысли ускоряли шаг.

Глава 3. Новые знакомства. Люменс и моараки

Кто внешне смешон и кажется боязливым
Порою сердцем твёрже стали.
В нём свет живёт цветком красивым.
А вы тот свет внутри себя познали?

Они шли, теперь уже в гору, по извилистой тропе, уходя всё дальше от озера. Луна светила им в спину, и тени деревьев тянулись за ними вперёд, длинные и кривые, будто чьи-то пальцы, пытающиеся схватить беглецов за пятки. Марк шёл быстро, почти бежал, стараясь не оглядываться. Чара молчала, и это молчание было тяжелее любых слов.

Мальчик сжимал рукоять меча и на ходу чувствовал, словно от неё тепло поднимается по его руке выше, к локтю, к плечу, растекается по груди. Это было странное, но приятное ощущение. Щит на левом предплечье не обременял в движении и давал ощущение спокойствия.

— Чара, — тихо позвал Марк.

— М-м-м? — Девочка шла чуть впереди, легко переступая через корни и камни, будто они были не в мёртвом лесу, а в парке на воскресной прогулке.

— Меч… он тёплый.

— Должен быть, — ответила Чара, не оборачиваясь. — Значит, он признал тебя. И ещё: это оружие Белосвета. Оно не для убийства. Оно для защиты. Поэтому работает оно не совсем так, как ты привык об этом думать.

— А почему оно… ну… — Марк запнулся, не зная, как сказать. — Почему я чувствую, что оно моё?

Чара наконец обернулась. В лунном свете её лицо казалось вырезанным из мрамора — бледное, с глубокими тенями под глазами, но губы тронула лёгкая улыбка.

— Потому что оно выбрало тебя. Не я. Не Белосвет. Оно. Когда Лучезара сказала, что Белосвет оставил оружие для тебя, она не соврала. Но он не знал, кто придёт. Он знал только, что оружие само выберет своего хозяина. Вы с ним связаны. И оно когда-то уже было в твоих руках. Не знаю, как это объяснить…

Марк вдруг понял, что не удивлён. Он словно помнил вес этого щита — не руками, а чем-то глубже, там, где помнят сны, которые не помнишь утром. Даже солнечный диск в его центре не казался незнакомым: Марк знал, куда ляжет большая рука, и где проходит под пальцами холодная гладкая черта. От этой мысли стало не по себе, но ещё больше — радостно, как бывает, когда долго искал вещь и обнаруживаешь её в собственном кармане.

— А если бы оно меня не выбрало?

Чара развела руками:

— Тогда ты вернулся бы домой, не помня ничего, мне пришлось бы… И я бы искала дальше.

— И долго ты искала? Меня?

— Несколько лет, а может, десятков лет. Время — это река, где-то узкая и быстрая, где-то медленная и широкая, — просто сказала Чара. — Искала и нашла. Это важно.

Марк хотел спросить ещё что-то, но она уже отвернулась и пошла дальше. Он ускорил шаг, догоняя её, и они снова зашагали рядом.

— А ты не боишься? — спросил он после долгого молчания.

— Чего?

— Всего этого. Урсамата этого, моараков…

Чара остановилась. Повернулась к нему, и в её глазах Марк увидел то, чего не ждал: усталость. Настоящую, глубокую усталость, которая бывает у тех, кто слишком долго ждёт.

— Боюсь, — сказала она. — Каждый день. Каждую ночь. Но боюсь не того, что я как-то пострадаю или даже погибну. Я боюсь, что не справлюсь. Что ты не справишься.

— А я справлюсь?

— Ты уже здесь, — она улыбнулась, но улыбка вышла грустной. — Значит, судьба на нашей стороне.

Они двинулись дальше. Лес становился всё гуще. Высохшие ветви сплетались над головой в сплошной тёмный свод, и лунный свет пробивался сквозь него редкими серебряными копьями. Марк заметил, что Чара замедлила шаг и теперь шла осторожно, прислушиваясь.

— Что-то не так? — спросил он шёпотом.

— Тише, — она подняла руку. — Мне кажется…

Она не договорила. Из темноты донёсся звук — сначала тихий, едва различимый, потом всё громче. Это было похоже на ворчание, но не звериное, а какое-то механическое, будто где-то рядом кто-то пытался запустить старую машину на севшем аккумуляторе.

— Кто это? — Марк инстинктивно поднял меч.

— Не знаю, — Чара выступила вперёд, заслоняя его собой. — Но это не моарак. Моараки не умеют так… жужжать.

Ворчание перешло в громкое сопение, потом раздался звук, похожий на чих, и из-за ближайшего дерева вылетело нечто.

Это было похоже на клубок света. Яркий, золотистый клубок, который метался из стороны в сторону, то приближаясь, то удаляясь, и всё это время издавал звуки, напоминающие то ли попытку завести чахлую машину, то ли помехи на старом радио. Марк не успел ничего сказать, как клубок вдруг остановился прямо перед ними и начал меняться.

Он вытягивался, уплотнялся, и через несколько секунд на его месте стоял… заяц.

Самый настоящий заяц. Только светящийся.

Он был размером с большого кролика, но уши у него были длиннее, чем всё остальное тело, а шёрстка переливалась золотом, будто его покрыли жидким солнцем. На голове у зайца лихо торчал ночной колпак, очень похожий на тот, что был у Христофора, только меньше и без вышивки. Сам заяц был в не менее странной золотой одежде, похожей на халат.

— А-а-а-апчхи! — заяц чихнул так громко, что его колпак слетел набок. — Нет, нет, мне решительно не подходит этот климат! Я разорю это туристическое агентство с романтичным названием «Втьмута Ракань»! Тоже мне экзотика! Тоже мне отдых… А-а-апчхи!

Он вытащил откуда-то из-за спины платок размером с небольшую простыню и громко высморкался. Потом наконец соизволил заметить Марка и Чару.

— А! — сказал он, поправляя колпак. — Тоже туристы! Наконец-то! Я уж думал, никто не придёт. Хоть какая-то компания. Сто лет тут сижу, жду, а они всё не идут и не идут… А одному так скучно…

— Простите, — осторожно начала Чара. — А вы кто?

— Кто? — заяц обиженно выпрямился. — Она спрашивает, кто! Да я — Люменс! Мастер света первой категории! Солнечный заяц, так сказать. В простонародии — зайчик. Но не простой! Не тот, который на стене от фонарика, а настоящий! С дипломом и лицензией! — он вытащил из-за спины какую-то бумажку, помахал ею и снова спрятал. — Нахожусь в творческом отпуске, изучаю экзотические уголки Вселенной. Прибыл сюда по туристической путёвке с попутным лучом солнца, а потом — бац! — и свет отключили. — Он трагически взмахнул лапами. — Без света мне отсюда никак не выбраться. Так я здесь и застря-а-а-апчхи! Когда же это кончится!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.